

МАРИНА СЕРОВА

Подвенечное платье цвета крови

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова
Подвенечное
платье цвета крови
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3089165
Подвенечное платье цвета крови: Эксмо; М.: 2012
ISBN 978-5-699-55607-6

Аннотация

Весь город в панике – на обычной ничем не примечательной фабрике странным образом пропадают женщины. Совершенно разные по возрасту, внешности, стилю одежды, их объединяло только одно – профессия швей-мотористок. Все они, выйдя вечером с работы, до дома так и не добрались. Но что же с ними случилось? И почему за полгода не было найдено ни тел пропавших, ни абсолютно никаких следов исчезновения? Полиция оказалась в тупике, и пролить свет на загадочные происшествия придется частному детективу Татьяне Ивановой. Единственный способ помочь несчастным и не допустить новых подобных преступлений – это ловить преступника «на живца».

Видимо, детективу Ивановой нужно будет войти в роль жертвы, а для этого необходимо научиться... шить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	57
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марина Серова

Подвенечное платье цвета крови

Глава 1

– Если выпивка мешает работе, брось ты к черту такую работу!

Мельников посмотрел на меня и усмехнулся, не удержавшись от сарказма:

– И это говорит мне убежденная трезвенница!

– Обижаешь, Андрюша. Какая же я убежденная! Я – просто трезвенница. К тому же я не о себе беспокоюсь, а о тебе, дорогой: вкалываешь, как проклятый, сутки напролет, а отдыхать и расслабляться когда? Когда, наконец, просто жить?! – Я укоризненно посмотрела на друга.

– Отдыхать? А что это такое? – Мельников наморщил лоб, постукивая карандашиком по столу.

– Дожил, бедняга! – Я понимающе покивала головой. – Уже и не помнишь.

– Нет, подожди, это что-то такое знакомое-знакомое...

– Ну хорошо, допустим, что такое отдых, ты не помнишь, но что такое пикник, ты же должен помнить!

– Да-а, должен!.. Но не помню... – Мельников жалобно посмотрел на меня, изображая Женю Лукашина из фильма «Ирония судьбы».

– Вот я и говорю: заработался, бедненький! Отдохнуть тебе надо, Андрюша, вспомнить, что такое расслабуха. А посему завтра едем на природу! Пока погода теплая. Ведь осень, сам понимаешь, – дело коварное: не заметишь, как пройдет сентябрь, а в октябре никуда уже не выберешься. Начнутся дожди, слякоть, прочая непогода...

Я сочла, что уговорила моего друга. Мельников махнул рукой: ладно, что, мол, с тобой поделаешь?

– Ну вот и чудненько! Значит, так, Андрюша: мясо Светка обещала замариновать, провизию мы с ней уже закупили, а ты завтра в девять нуль-нуль будь готов, мы за тобой заедем. Форма одежды – походная...

– Как в девять?! Мать, ну имей совесть! Хоть в выходной-то дай выспаться! – Андрей смотрел на меня возмущенно.

– Перебьешься. Много спать вообще вредно, слышал о такой теории? – Я закинула ногу на ногу и с вызовом посмотрела на Мельникова.

– А что твоя теория говорит о хроническом недосыпании? – с сарказмом спросил Андрей.

– Об этом она мудро умалчивает.

– Нет, Тань, серьезно, воскресенье ведь, дай подрыхнуть от души. Хоть раз в неделю! – заканючил мой друг.

– Хорошо, дрыхни, – милостиво разрешила я. – Мы заедем за тобой в девять пятнадцать.

Я встала. Андрей, начавший было радостно потирать руки, снова сник.

– Все, мне пора. Давай завтра весь день проведем вместе, пообщаемся, обсудим некоторые теории... – Я направилась к двери.

– По сколько скидываемся?

– Светка уточнит завтра сумму. Она там еще что-то докупила... Но примерно по пятьсот рэ.

– Нормально, – одобрил меня Андрей, – давай!

Я махнула ему рукой и вышла из кабинета.

Возле здания полицейского участка меня ждала моя любимая бежевая «девятка». Я ехала домой в радостном настроении: завтра поедем шашлыка, порезвимся на природе. У моей подруги Светки новый бойфренд, который, собственно, и подал идею отправиться в воскресенье на природу. Она познакомилась с ним случайно, в своей парикмахерской. Светка удачно подстригла его, он сделал ей комплимент, слово за слово... Короче, они стали встречаться и решили ознаменовать такое приятное событие веселым пикником. Светка пригласила меня за компанию, а чтобы мне не было скучно, посоветовала позвать мне в пару моего в прошлом однокурсника, а ныне просто друга, лейтенанта полиции Андрея Мельникова. Моей задачей было пригласить его, что я и сделала, заехав десять минут назад к нему на ра-

боту.

На другой день, как и было запланировано, мы отправились на природу в старенькой «Тойоте» Светкиного бойфренда Ростислава. Выбрав укромный, просто райский уголок – небольшую полянку в пригородной лесной зоне, – мы развели костер, постелили на траву клеенку, расставили на ней одноразовую посуду и порезали в большую пластмассовую миску салат из овощей и зелени. Наши парни в это время пожарили на походном мангале несколько шампуров сочного шашлыка, который мы все с превеликим удовольствием умяли под бутылочку хорошего армянского коньяка. Кроме, разумеется, Ростислава, который, будучи за рулем, пил яблочный сок. Потом мы поиграли в «дурака», в бадминтон, в «телефончики». И, наконец, Светкин бойфренд предложил отправиться к могиле собачки Барри, которая, по его словам, была похоронена километрах в двух от нашего лагеря. Светка с радостью согласилась, мы же с Андреем не выразили особого восторга по поводу такого чудного мероприятия и решили остаться возле машины сторожить вещи.

Когда Светка под ручку со своим Ростиком скрылась за деревьями, мы с Мельниковым уселись на пляжный коврик возле опустевшего стола и некоторое время молчали, наслаждаясь тишиной, покоем и красотой осеннего леса. Я грызла яблоко, Андрей возился со своим складным ножом. В нем заедал какой-то механизм – штопор не хотел выходить из гнезда. Совершенно неожиданно Мельников спросил:

– Хочешь, расскажу, какое дело я сейчас веду?

Я покосилась на друга.

– Хочу.

Вообще-то, если честно, я не особенно этого хотела. Мне сейчас было просто хорошо в этом осеннем лесу, на этой уютной полянке, почти не замусоренной любителями пикников. Светило солнышко, и было довольно тепло – в ветровке и тонком джемпере я не мерзла. Желудок был полон всякой вкуснятины, которой мы наелись до отвала, отчего по телу разливалось тепло и приятная нега. Ну что такого особенного мог рассказать мне Андрей? Про очередное убийство или изнасилование, ну, в крайнем случае, ограбление с нанесением тяжких телесных повреждений, выражаясь сухим языком протокола. Ничего нового, все как обычно, что называется, будни уголовного розыска. Я только что закончила свое собственное очередное дело, получила хороший гонорар и теперь собиралась несколько дней провести в блаженном безделье. Но, с другой стороны, Мельников не так уж часто по собственной инициативе предлагал посвятить меня в свои следственные тайны, так что отказаться выслушать его было бы не слишком разумно: в другой раз сама буду умолять, так он ничего и не расскажет. Одним словом, мне осталось только сделать заинтересованный вид.

– Знаешь, дело мне дали какое-то непонятное и потому вызывающее тревогу, – начал Андрей, немного помявшись.

– Так что за дело-то? Не тяни.

– В течение полугода в нашем районе бесследно пропали три женщины, свидетелей их исчезновений нет, мотива вроде бы тоже. Возраст, семейное положение и все остальное у женщин – разные...

– А материальное положение?

– Вот это, пожалуй, единственное, что их объединяет. Все они были, что называется, представительницами рабочего класса, сами зарабатывали себе на жизнь. Да и трудились все швеями-мотористками на одной фабрике.

– О как! – сказала я и подумала, как, однако, все это неинтересно. Какие-то швей-мотористки, тетки с достатком ниже среднего. Кому они понадобились? Может, их похитил и убил некто, купивший в магазине плохой костюм или рубашку с рукавами разной длины? Или у костюма воротник был пришит сикось-накось? Может, этому горе-покупателю продавец отказался поменять изделие и он решил выместить злобу, так сказать, на непосредственных виновниках своего испорченного настроения? Похитил трех теток с фабрики, привез их к себе домой, приковал наручниками к батарее или лучше к швейной машинке и заставил перешить ему костюм? Но для этого вовсе не обязательно было похищать трех швей-мотористок, с такой работой легко справилась бы и одна. А потом, шутки шутками, но женщин-то, скорее всего, уже нет в живых. Мало кого удастся найти живым по прошествии такого срока...

– Андрюш, а когда пропала первая?

– Ты это спрашиваешь из вежливости? – покосился на меня Мельников.

– Из вежливости? С чего ты взял? – возмущенно «удивилась» я.

– С того, что тебе все это неинтересно, я же вижу.

– Как ты это можешь видеть? – еще больше возмутилась я, в душе признавая, что Андрей прав.

– А так! Я тебя, мать, что, первый год знаю? Если у тебя нет материальной заинтересованности, ты же не будешь ломать голову над преступлением.

– Андрюша, ты обо мне так плохо думаешь?! – ахнула я.

– Нет, я тебя хорошо знаю.

– А если ты ошибаешься? – Я достала из кармана сигареты. – Будешь?

Андрей взял из пачки сигарету.

– В чем ошибаюсь?

– А вдруг мне все это очень даже интересно? Ведь не каждый день в нашем городе пропадают швеи, особенно мотористки! Ну-ка, давай рассказывай мне эту леденящую душу историю в подробностях!

– Ладно, Тань, хоть передо мной не рисуйся. Лучше скажи мне вот что: у тебя сейчас есть какое-нибудь дело?

– Есть. Я сегодня дала себе слово, что завтра сделаю генеральную уборку в квартире. Сам понимаешь, окна в преддверии зимы надо помыть, потом заклеить...

– А кроме уборки?

– Ты спрашиваешь, не хочу ли я взяться за это дело?

– Да.

От такого поворота событий я просто обалдела. Нет, Мельников явно перепил коньяка. Или переел шашлыка. А может, Светкин фирменный салат с жареными баклажанами на него подействовал. Чтобы я взялась вот так, за здорово живешь, разыскивать каких-то теток со швейной фабрики?! А платить-то мне кто будет? Министерство легкой промышленности? Или директор фабрики? А полиция у нас, в конце концов, на что?

– Андрюш, – осторожно начала я, – эти тетки, может, просто загуляли где-то?.. Ты их обязательно найдешь... со временем. А я... Ну, ты же понимаешь: просто так работать мне неинтересно. А нанять частного сыщика, как я чувствую, никто из их родных не в состоянии...

– А вот неправильно ты чувствуешь, мать! – с торжеством в голосе выдал Мельников. – Как раз нанять частного сыщика кое-кто очень даже в состоянии!

– Неужели материальный достаток швей-мотористок так вырос за последнее время? Черт возьми, ну кто бы мог подумать!... – восхитилась я.

– Насчет швей-мотористок не скажу, я как раз не в курсе, а вот их родственники... Словом, у одной из пропавших женщин сын живет в Пензе, он предприниматель, и денежки у него имеются. Он намекал мне, что готов заплатить, только бы нашли его мать.

– Что же ты тогда сам не возьмешься? Нашел бы тетенек, подработал... Или тебе деньги не нужны?

– Тань, ты шутишь?! У меня сейчас десять дел в производстве! Все брошу, начну искать этих мотористок, а остальными делами кто заниматься будет?! Пушкин?

– Не, Андрюша, вот он точно не будет.

– И я о том... Короче, так, мать. Вот, держи визитку. Тут фамилия, телефоны... Кстати, молодой человек, насколько я понял, занимается производством пластиковых окон. Может, у тебя в квартире окошки заодно поменять?

– Меня вполне устраивают и мои, деревянные.

Я взяла у Андрея визитку. «Корольков Юрий Геннадьевич. Директор ООО «Ваши окна». Телефон... Электронный адрес... Пензенский адрес... Что ж, все как обычно. Я убрала белый клочок бумаги в нагрудный карман куртки.

Неожиданно налетел сильный порыв ветра. Мельников поежился, потом встал и подкинул в почти догоревший костер несколько поленьев, приготовленных парнями, но не брошенных в свое время в костер. Сухие чурки быстро задымились, вскоре вспыхнули, потрескивая, и мы передвинули пляжный коврик к костру поближе.

– Да, осень напоминает о себе, – сказал Андрей и бросил в огонь большой сук.

– Андрюш, ты все-таки расскажи мне об исчезнувших женщинах. Кто они такие, когда пропали, при каких обстоятельствах?

– Ага, сразу глазки загорелись! Вот что значит материальная заинтересованность!.. Ладно, слушай. Первая пропала примерно пять месяцев назад – Королькова Мария Федоровна, сорока девяти лет, вдова, мать оконщика. Работала она, как я уже говорил, на нашей швейной фабрике. Тридцать лет, между прочим, проработала, у руководства на хорошем счету, уважаемый человек и все такое...

– Когда овдовела?

– Года полтора назад. Муж умер от какой-то редкой болезни, сын уже давно перебрался в Пензу, там у него полно родственников: сестры и племянники его матери. Между прочим, парню тридцать и он не женат, – добавил Андрей и многозначительно посмотрел на меня.

– Это ты сейчас зачем сказал? – уточнила я.

– Да так, к слову...

– Андрюш, не надо к слову, давай про женщину. Как она пропала?

– Они все одинаково пропали, как по сценарию. Ушли после вечерней смены и домой не попали.

– То есть с территории фабрики они выходили и это кто-то видел?

– Да, сослуживцы видели их выходящими за ворота, а вот дома эти дамочки уже не появились. Этой Корольковой хватились подруги по цеху. Она на следующий день на работу не вышла. Стали ей звонить – никто не отвечает, ни дома, ни по мобильному...

– Она что, одна живет?

– Да. Точнее, с кошкой. Соседи говорят, эта кошка с утра начала орать, наверное, проголодалась. Они тоже забеспокоились, стали звонить Марии Федоровне в дверь. Никто не открыл, и они сообщили в полицию. Женщина свою кошку Фенечку очень любила и ни за что, по словам соседей, не оставила бы ее без еды.

– Так, с этой понятно, кто там у нас дальше?

– Бейбулатова Ольга Евгеньевна, тридцать семь лет, замужем, детей нет. Живут, вернее жили, втроем, с мужем и матерью. Пропала около четырех месяцев назад. Картина исчезновения такая же – вышла после вечерней смены с работы, домой не вернулась. Перепуганные родственники всю ночь обзванивали больницы и морги, наутро прибежали в полицию...

– Бейбулатова... Фамилия у нее какая-то... Не соответствует имени.

– Это она по мужу. Сабир Бахтиярович туркмен, работает на стройке.

– Его проверяли?

– Это ты к чему?

– Ну, мало ли... Все-таки мусульманин, кровь горячая... Может, они ругались, а ему не нравилось, что женщина смеет перечить мужу?

– Я тебя понял... Нет, его проверяли. В тот день он взял отгул и посвятил его ремонту в доме. Его теща была этому

свидетелем: она на пенсии, весь день сидит дома у телевизора, сериалы смотрит. Вместе с зятем ждала Ольгу Евгеньевну с работы.

– Так, тут тоже все понятно. И, наконец, третья?

– Овчаренко Алла Яновна, тридцать лет, не замужем, детей нет, жила с сестрой и ее семьей в трехкомнатной квартире в центре. Занимала самую маленькую комнату. Сестра сказала, что все пыталась выдать ее замуж, знакомила со своими сослуживцами и друзьями мужа, да вот не успела...

– То есть у этой Овчаренко даже бойфренда не было?

– Сестра говорит, что на тот момент не было. – Мельников, сорвав растущую рядом зеленую травинку, взял ее в рот и принялся жевать.

– А раньше? Выяснили, с кем девушка встречалась до этого? Может, она отшила какого-нибудь кавалера, а тот, обиженный и загоревшись жаждой мести, похитил возлюбленную, затащил в какой-нибудь подвал и расчленил там?

– Да, эти ревнивцы на многое способны... Но нет, со слов сестры, потерпевшая последние полгода ни с кем не встречалась, а те два кавалера, с которыми ее познакомила сердобольная сестра, сами отказались от невесты.

– Даже так? Она что, дурнушка?

Мельников усмехнулся:

– Видел я ее фото... Честно говоря, я бы с такой тоже не стал встречаться. Нет, вполне возможно, что по характеру она была просто ангелом, но внешне... Ей впору было играть

в театре Бабу Ягу, притом без грима.

– Андрюш, ты так говоришь, как будто ее уже нашли убитой.

Мельников вздохнул:

– Девяносто девять процентов за то, что все женщины мертвы, как это ни печально. Сама понимаешь, статистика... Если человека сразу не нашли, то потом будут находить либо по частям, либо, если посчастливится, то целиком, но в настолько разложившемся состоянии, что и родственникам предложить на опознание будет сложно.

– А среди неопознанных трупов никого похожего не было?

– Пока нет. Бывает, что находим женские трупы, так приходится вызывать родственников наших потеряшек на опознание. Процедура, конечно, малоприятная, но что поделаешь?! Однако пока – не знаю, радоваться или огорчаться, – ни одну из пропавших женщин среди погибших не нашли.

– Когда пропала последняя?

– Месяц назад.

– Так. Значит, периодичность отсутствует: пять месяцев – около четырех – месяц...

– Отсутствует... Не замерзла, мать? – Андрей обнял меня за плечи. – Ветер опять налетел. Может, тебе куртку дать?

– Нет, Андрюш, спасибо, мне не холодно. Я же принимаю контрастный душ, который завершаю холодной водой, и поэтому никогда не мерзну...

– Да, ты у нас экстремал! Или экстремалка? Как сказать

правильно?

– Закаленная.

В это время на тропинке, выходящей из леса, показалась Светка со своим бойфрендом. Увидев нас, Ростик обрадованно крикнул:

– Я же говорил, их надо оставить наедине! Видишь, уже обнимаются...

Он просто расцвел от умиления.

– Брось, Ростик! – Светка шутя ткнула своего кавалера в бок. – Танюша с Андрюшей просто хорошие друзья, и не более. Они вместе учились на юридическом...

– И что с того?! Нет, Светулек, ты, как видно, многого не знаешь. Танюша хоть и твоя подруга, а не все тебе говорит, – Ростик хитро подмигнул не то мне, не то Андрею и подсел к нашему импровизированному столу.

– И что же она мне не говорит? – Светка подошла к своему мачо сзади и положила руки ему на плечи.

Ростик между тем принялся доедать свой шашлык прямо с шампура.

– Она тебе не говорит, что у них с Андрюшей тайные амурные дела, – вновь подмигнул нам Светкин бойфренд.

Руку Андрея как ветром сдуло с моего плеча.

– Что за вздор! – сказал он и немного покраснел. – С чего ты взял?

– А я вас, плутов таких, знаю! – хитро прищурился Ростик и даже погрозил кому-то из нас пальцем.

– Откуда? – удивилась я. – Мы, кажется, познакомились всего несколько часов назад.

Ростик, жуя холодное мясо, усмехнулся:

– А много ли надо, чтобы узнать человека?!

– Действительно! – съязвила я. – Вот, Андрюша, учись! А то ты сколько времени тратишь, дабы понять наконец: преступник подозреваемый или честный гражданин!

Мельников неприязненно покосился на Ростислава и немного отодвинулся от меня. Тут Светка, видя, что разговор перетек не в то русло, быстро нашлась:

– А мы видели могилку собачки Барри! Такая красивая, вся из черного мрамора, под раскидистым деревом, а рядом скамеечка. А на плите выгравирована мордочка этой собачки. Надо же! Кто-то не поскупился, чтобы увековечить память о своем домашнем питомце...

– Могилка – это хорошо, – сказала я, – однако солнце уже село. Нам, кажется, пора собираться...

Через час мы ехали в машине домой. Я и Андрей сидели на заднем сиденье, Светка рядом со своим проницательным Ростиславом.

– Андрюш, а как же этот предприниматель собирается нанять меня в качестве частного сыщика? – вдруг спохватилась я. – Он живет в Пензе. Насколько я знаю, это километров двести отсюда.

– Господин Корольков говорил, что часто бывает в нашем Тарасове по делам. Кажется, он даже собирался открывать

здесь филиал своей фирмы.

– У нас что, мало своих производителей? – удивилась я. – По-моему, и так каждый третий магазин в городе продает эти дурацкие пластиковые окна.

– Почему дурацкие?

– Потому что лично я даже представить себе не могу, чтобы окна в моей квартире были из пластмассы. Я люблю все натуральное и естественное. Дерево – оно живое и теплое, оно дышит, а главное, не воняет химией...

– Ну, это дело вкуса. Кто-то предпочитает удобство – эти окна сохраняют тепло и, главное, их не надо заклеивать на зиму. А насчет филиала... Не знаю, я в этом мало понимаю, но раз открывает человек филиал, значит, это ему выгодно. Или я не прав?

– Да прав ты, Андрюша, конечно же, прав... Хорошо, завтра прямо с утра позвоню этому Королькову. А ты поделишься со мной информацией по делу?

– Да в любое время, хоть сейчас поехали в отделение!

– Нет уж! Сейчас я отдыхаю.

Первой доставили меня. Я вышла из машины Ростика.

– Ну что, всем пока! Свет, увидимся!

– Пока!.. Давай!.. Счастливо!

Я захлопнула дверь машины и пошла к подъезду.

Дома я первым делом переоделась в старый джемпер и трико: в квартире у меня было прохладно, а отопительный сезон еще не наступил. Я сварила себе кофе и с ногами усе-

лась в кресло. Мне необходимо было немного поразмышлять о новом деле, свалившемся на меня так неожиданно.

Итак, Татьяна Александровна, что у нас на повестке дня? Пропажа, нет, я бы даже сказала, таинственное исчезновение трех женщин, работающих на одном предприятии. Возраст, семейное положение и все остальное у них разное, кроме одного: места работы. Место работы... Ну и кому, интересно, понадобились швеи, да еще и мотористки? Это же не киднеппинг: если бы наших дамочек похитили с целью выкупа, то давно потребовали бы у родственников деньги. Но со времени исчезновения первой потеряшки прошло почти полгода. Нет, киднеппингом тут не пахнет. А чем пахнет?

Я достала из пачки сигарету. Может, с этой фабрикой что-то не то? Может, наши швеи случайно узнали страшную тайну? Какую? Что начальник цеха, например, ворует готовую продукцию. Выносит сшитые на фабрике рубашки на своем теле: надевает их штук восемь одну под другую и так идет домой... Дамочки это узнали и пригрозили ему разоблачением, а он подкараулил их после смены темной ночью и... Смешно. Хотя и не очень, пропажа людей – это всегда неприятно. Сегодня пропали эти, а кто пропадет завтра?

Глава 2

На следующий день с утра я позвонила по номеру телефона, указанному в визитке. Мне ответил приятный мужской голос:

– Корольков слушает.

– Юрий Геннадьевич? Вас беспокоит частный детектив Татьяна Иванова. Вашу визитку мне дал лейтенант Мельников...

Услышав эту фамилию, собеседник обрадовался:

– Да, да, я готов встретиться с вами. Где и когда вам будет удобно?...

– А вы сейчас в Тарасове?

– Да, по счастливому стечению обстоятельств сейчас я нахожусь именно здесь, но завтра уезжаю в Пензу. Поэтому хотелось бы не откладывать нашу встречу...

Через час мы с ним сидели в кафе. Корольков оказался довольно-таки приятным молодым человеком с открытым лицом и умными голубыми глазами. Он смотрел на меня с большой надеждой.

– Татьяна... простите, как вас по батюшке?

– Давайте обойдемся без моего батюшки. Зовите меня просто Татьяна, мне так удобнее.

– Что ж, я согласен. Но тогда уж и вы сделайте мне одолжение и зовите меня просто Юрием.

В это время к нам подошел официант:

– Что будете заказывать?

Юрий посмотрел на меня вопросительно.

– Эспрессо, мороженое и виноградный сок, – сказала я.

– Мне то же самое, но без сока.

Официант удалился.

– Я, кажется, должен дать вам задаток? – Юрий потянулся к бумажнику.

– Давайте сначала поговорим, – предложила я. – Хотелось бы знать кое-какие обстоятельства дела.

– Какие именно?

– Например, вы часто приезжаете в наш город?

Юрий удивленно вскинул брови:

– А какое это имеет отношение...

– Дело в том, что если вы бывали у вашей мамы редко, то, скорее всего, не в курсе всех ее дел.

– Что вы, Татьяна! Как раз наоборот. Но, собственно, и дел-то у мамы особых не было – сами понимаете, женщине почти пятьдесят, муж умер, сын в другом городе. Что у нее осталось? Работа и кошка.

– А на фабрике она ни с кем не конфликтовала? Может, она вам рассказывала, что, например, заметила там что-то такое... необычное?

– Мама вообще ни с кем не конфликтовала. Она была человеком уравновешенным и... Господи! Почему мы говорим о ней в прошедшем времени?!

Юрий прикрыл глаза и посидел так несколько мгновений.
– Извините, – сказал он, взяв себя в руки.

В это время принесли наш заказ, и мы принялись потягивать кофе, заедая его мороженым.

– Юрий, расскажите мне о вашей маме все, что можете. И, пожалуйста, вспомните, может, она все-таки что-то говорила о работе, о своих подругах с фабрики, о начальстве?

– Я начну с того, что, похоронив два года назад отца, мама долго переживала и плакала. Еще бы, они прожили почти тридцать лет, притом жили очень хорошо, практически не ругаясь. А тут – внезапно папина болезнь, больницы, врачи, бесконечные процедуры, лекарства... Мама от переживаний сильно похудела и начала мучиться головными болями. Потом – смерть... Мне еле удалось уговорить ее съездить в Пензу к сестрам и хоть немного развеяться. А когда она вернулась в Тарасов, то с головой ушла в работу. Освоила несколько новых операций, оставалась по просьбе мастера на сверхурочные. Я часто звонил ей, а когда приезжал сюда по делам, то старался как можно больше времени проводить с ней. И постепенно она отошла, свыклась с горем, стала даже изредка ходить с подругами в кино. Думаю, в этом еще помогла ей кошка Фенечка. Это такое ласковое и нежное существо! Когда ей сделали операцию по стерилизации, она долго болела, и мама так ухаживала за ней! Она рассказывала мне по телефону: «Фенечка сегодня плохо кушала свой «Китикет»... У Фенечки проблемы со стулом... Мы с Фенечкой вчера гу-

ляли целый час...» Она носилась с питомицей, словно с ребенком. Ну не смешно?!

– Что? То, что ваша мама так привязалась к кошке? А кого еще ей было любить и пестовать? Муж умер, сын далеко... Женщина устроена так, что ей необходимо постоянно о ком-то заботиться. Если бы у нее были внуки...

– Да, да, мама тоже намекала мне на это, да что там намекала! Говорила в открытую, но я все отнекивался. У меня бизнес, сейчас вот фирму расширяем... Я не могу даже завести девушку. Верите, Татьяна, просто некогда! Я ведь не один: у меня есть партнеры...

Я покосилась на моего собеседника. Какие мы деловые, черт возьми! Не то что собачку или там кошку, даже девушку ему завести некогда! Бедненький бизнесмен...

– Значит, о фабрике ваша мама ничего не рассказывала...

Юрий пожал плечами. Он расстегнул свою черную куртку – от выпитого кофе ему стало жарко. Внизу оказался синий джемпер.

– А вы, Татьяна, думаете, что причина исчезновения женщин связана с фабрикой?

– Я пока ничего не думаю, я собираю факты.

– А от меня требуется дать вам задаток?

Я кивнула. Люблю понятливых клиентов, которым не надо объяснять, что аванс – вещь в моем деле необходимая. Юрий достал из кармана солидных размеров бумажник.

– Ваша ставка...

– Двести долларов в день.

Он не выразил удивления, как некоторые клиенты, молча отсчитал несколько новеньких купюр и положил на стол. Я убрала их в свой кошелек. Ну вот, теперь мне работать будет намного приятнее да и жить веселее.

– Я подготовлю договор...

Юрий только рукой махнул:

– Да бог с ним, не это главное... Татьяна, а вы можете гарантировать, что найдете мою мать?

– Ее или ее тело, – я выразительно посмотрела на Юрия, – но найду обязательно.

– Интересно. А в полиции мне сказали, что практически нет никакой надежды найти маму живой.

– Я тоже не дам вам такой гарантии. Дело в том, что полицейские опираются на свой опыт: если человека не нашли живым в первые два дня, то вероятность этого практически ничтожна...

– Черт! – Юрий нервно взъерошил свои русые волосы.

– ...а в вашем случае, когда женщина отсутствует почти полгода... шансов совсем мало... И я хочу сразу предупредить: вы должны быть готовы ко всему.

– Понимаю, конечно. Да, не уберег я мать, не уберег... Ведь сколько раз звал к себе в Пензу! Там и сестры ее живут, тетя Лида и тетя Валя, и пятеро племянников. Так нет! Уперлась: я здесь родилась, здесь моя квартира, мои подруги, здесь могила мужа, работа, наконец...

Корольков снова взъерошил волосы.

– Вы и не могли ее уберечь. Как можно предугадать, где именно с человеком случится несчастье? Или у вас в Пензе не бывает ничего подобного?

Юрий тоскливо посмотрел в свою пустую чашку.

– Татьяна, вы еще кофе будете?

Я кивнула. Корольков подозвал официанта и заказал два кофе. В ожидании его мы продолжили беседу:

– Юрий, а когда вы виделись с матерью в последний раз? Или общались по телефону?

– Да, мы именно разговаривали.

– О чем, если не секрет?

Собеседник смутился:

– Гм... Татьяна, а я могу не отвечать на этот вопрос?

– Можете, разумеется. Частный сыщик тем и хорош, что на его вопросы можно не отвечать. Я же не полицейский и не могу заставить вас... Но сами подумайте: чем меньше я буду знать о вашей матушке, тем труднее мне будет найти ее.

– Но это... как бы сказать? В общем, это личное и не имеет отношения к пропаже мамы.

– Юрий, давайте я сама буду решать, имеет это отношение к нашему делу или нет. У меня незапятнанная репутация ищейки, и я не собираюсь ее портить. Если уж я взялась искать вашу маму, то найду ее обязательно, независимо от того, будете вы мне помогать или нет. Но если будете, я сделаю это намного быстрее. Что же касается ваших личных тайн,

вы можете быть абсолютно уверены: разглашать их кому бы то ни было я не собираюсь даже под пытками. Поэтому советуую все-таки быть со мной как можно более откровенным. Итак, о чем вы говорили с матерью... кстати, когда?

– Буквально за пару дней до ее исчезновения. Я позвонил ей вечером, у нее была первая смена, и в семь вечера она была дома. Мы поговорили о Фенечке – святое дело! Кошку в тот день угораздило разбить цветочный горшок, и мама минут пять сокрушалась о том, что она стала очень упрямой: мама не разрешала ей сидеть на окне, а Фенечка просто жить не могла без того, чтобы не полюбоваться воробьями на дереве. Потом мама начала меня, как обычно, сватать.

– Сватать? – переспросила я. – За кого?

– За кого-нибудь. У нее в последнее время была навязчивая идея – женить меня во что бы то ни стало! Она говорила: «Юра, тебе уже тридцать, тебе давно пора иметь семью и детей! Когда уже наконец я буду нянчить внуков?» Я увиливал как мог, но она постоянно возвращалась к этой теме. Она говорила, что папа женился на ней сразу после армии. Она ждала его. Ему тогда было двадцать, а ей восемнадцать. А через год у них родился я... В общем, мама горела желанием видеть меня семейным человеком, возиться с внуками и поэтому готова была женить меня чуть ли не на первой встречной.

– А вы были против? – улыбнулась я.

– Да не то чтобы против, просто я считаю, что жениться

надо по любви, а не потому, что маме так хочется. Или я не прав?

Я пожала плечами:

– У каждого свои взгляды на подобные вещи. А еще о чем вы говорили?

– Да так... О погоде и природе... Да ни о чем, собственно. Мне главное было знать, как мама себя чувствует, что она здорова. Я тогда немного обиделся на нее: опять, мол, она со своей женитьбой! Раз мама так мне ее навязывает, буду звонить ей реже. И вот нате вам, пожалуйста!..

Юрий вздохнул и отодвинул от себя пустую чашку.

– Однако здесь варят хороший кофе.

– И мороженое здесь очень вкусное... Ну что ж, Юрий, я готова приступить к поиску вашей мамы. Вы можете позванивать мне и спрашивать, как идут дела. А я, в свою очередь, буду обращаться к вам, если появятся вопросы.

– Да, конечно! В любое время дня и ночи.

– Вот моя визитка, здесь номера обоих телефонов... Вы когда уезжаете в Пензу?

– Скорее всего, завтра после обеда или послезавтра утром.

– Ну что, пойдёмте?

Мы вышли на улицу и остановились около моей машины. Я заметила, что Юрий грустно смотрит на меня, как будто хочет что-то сказать, но не решается.

– Вы, кажется, хотите о чем-то спросить?

– Да. Я хотел сказать... Татьяна, очень вас прошу: найди-

те маму. И тетки мои, ее сестры, очень хотят. Если уж она погибла, так мы хоть похороним ее по-человечески и будем ходить на могилу. А то почти полгода – и никаких известий! Жива ли, нет ли? Неизвестность – это хуже всего...

– Да, я вас понимаю. Вы не переживайте, Юрий, я обязательно найду вашу маму, я же обещала.

Мы попрощались, и я села в свою машину. Я видела в зеркало заднего вида, как Юрий тоже сел в автомобиль, темно-зеленый «Мицубиси Лансер», и укатил в направлении центра. А я достала из сумки мобильный и набрала номер Мельникова.

– Андрюш, ты у нас где?

– Я у вас у себя в отделении.

– Я подскочу ненадолго?

– Ну, подскочи, только не очень высоко.

Так, мой друг шутит. Значит, настроение у него не очень. Что ж, нам, бедным сыщикам, деваться некуда, ехать к нему все равно придется: надо же как-то собирать информацию. Теперь, когда аванс за расследование получен, это дело уже не кажется мне скучным. В самом деле, кто знает, как все повернется?! Может, исчезновение мотористок выведет меня на банду похитителей или наркодилеров? А может, дамочек давно разобрали на органы и я выйду на след подпольной частной клиники по пересадке органов? А может, их украли с целью суррогатного материнства, чтобы не платить им денег? В неволе они и так родят, куда денутся?! А может...

Я завела машину и, развернувшись, отправилась в Андрюшино отделение полиции.

Он, как всегда, сидел за столом, заваленном бумагами. Напротив сидел еще один лейтенант. Все в отделении звали его Гоголь, потому что имя-отчество у него было Николай Васильевич. Гоголь тоже закопался в своих бумагах, что-то старательно выискивая. Я, предварительно постучавшись, вошла.

– Привет господам офицерам!

– Привет доблестным труженикам частного сыска, – Мельников кивнул на стул, что стоял напротив его стола, – приземляйся.

Да, здесь избегали слова «садиться». Говорили как угодно: присаживайся, падай, приземляйся, пристуливайся, но только не садись. Я опустилась на потертое матерчатое неопределенного цвета сиденье и закинула ногу на ногу. Мельников смотрел на меня и ждал, что я ему скажу.

– Уже появилась идея? – наконец спросил он. – Догадалась, кто похитил всех наших швей-мотористок?

– Какой ты быстрый, Андрюша! Сам-то сколько ломал голову над этим делом?

– Не злорадствуй, недолго, – успокоил меня Андрей, – всего-то месяц! Мне дали это дело после того, как исчезла третья дамочка, та, что похожа на Бабу Ягу. После второй пропажи два дела было решено объединить, и им какое-то время занимался другой отдел. Но после третьей в умную голову руководства пришла светлая идея передать эти дела

нашему отделу.

– Ну, раз ты занимался им целый месяц, значит, многое успел проверить, с людьми поговорить...

– Успел, Тань, успел. Тебе, конечно же, нужен список знакомых, родственников и собуты... э-э... сослуживцев?

– В корень зришь! Прямо как Козьма Прутков.

– Сейчас будут тебе списки. – Мельников снова принялся рыться в бумагах.

– А маменькиного сыночка вы проверяли? – спросила я.

– Ты имеешь в виду Королькова? Само собой. Он в тот день был в Пензе, и этому нашлось с десятков свидетелей. Его видели в офисе, банке, а вечером он ужинал у одной из своих тетушек. Кстати, там в это же время был один из его двоюродных братьев со своим шестилетним сыном. Так что наш Корольков чист, аки младенец!

В это время зазвонил телефон на столе Гоголя, и он поднял трубку:

– Горелов слушает... Что?.. Заключение готово? И что там?.. Отравление?.. Нет, не надо присылать, я сам приеду! Уже выхожу...

Гоголь положил трубку, встал и начал надевать куртку:

– Андрей, я – в морг! Готово заключение по трупку Померанцева. Оттуда проеду на кладбище, осмотрю могилы, с которых ночью были похищены памятники. Если что – я на связи.

– Давай, – кивнул Андрей и снова углубился в документы.

Гоголь вышел из кабинета. В это время Мельников откуда-то извлек довольно толстую папку.

– Так, здесь – список знакомых всех трех потеряшек. Я знал, что именно тебе понадобится, и подготовил... Даю тебе копии, так что можешь забирать совсем.

Андрей положил папку передо мной на стол.

– А если в двух словах, что конкретно говорят окружающие женщин люди? – спросила я.

– Говорят, что они были добрыми и отзывчивыми, со всех сторон положительными, хорошими мастерами своего дела, и все в том же духе. Мужьям (у кого они были) не изменяли, в запой не уходили. «С товарищами по работе поддерживали ровные дружеские отношения», как сказано в характеристиках. С соседями по лестничной клетке здоровались. Кое-кто даже вел на фабрике общественную работу.

– Умереть – не встать! И это в наше-то время!

– Да, я сам удивился, но именно так написано в характеристиках.

– Что, стенгазету рисовали? Или участвовали в художественной самодеятельности?

– Насчет стенгазеты не скажу, а в субботниках участвовали, это точно. И еще: ты угадала, Тань. Одна из женщин, Королькова, участвовала в концертных программах, которые устраивались на фабрике по праздникам.

– Ого! И что же она пела?

– Она обожала любимые народом песни, ну... сейчас...

где это у меня?..

Мельников порылся в своих записях, извлек на свет бо-
жий какой-то лист и прочитал:

– Ага, вот! «Ромашки спрятались, поникли лютики», «Ка-
ким ты был, таким остался», «Расцвела под окошком...»,
ну и тому подобное старье. Одним словом, тетки пятидеся-
ти-шестидесяти лет просто рыдали от умиления.

– Что, так хорошо пела?

– Да, говорят, голос у нее был приятный и манера испол-
нения душевная.

– Хорошо, приму это к сведению. Андрюш, а потеряшки
наши были знакомы между собой?

Едва мой друг открыл рот, чтобы ответить, как зазвонил
телефон. Он поднял трубку:

– Мельников слушает... Николая Васильевича? Гоголь в
морге. Потом поедет на кладбище... Какие шутки? Я вам се-
рьезно говорю: он в морге!.. С ним – ничего... Ну, раз он
в морге, значит, с ним все в порядке!.. Да кто шутит-то?!
Черт!..

Андрей положил трубку:

– Странные люди! Им говоришь правду, а они: «Что за
шутки, что за шутки?!» Что ты спросила, Тань? А! Были ли
потеряшки знакомы между собой? Были, конечно. Нет, они
не дружили и не крестили вместе детей. Ну, про детей, это
я так, к слову... Но сама подумай: они работали на одной
маленькой фабрике, там – я узнавал – всего-то человек сто

с небольшим работает. Конечно, все друг друга знают, если уж не по именам, то в лицо – это точно! Они там в обеденный перерыв в одну столовую ходят, а столовка небольшая, больше на буфет похожа, я видел. В очереди за зарплатой в одном тамбуре перед кассой стоят. Фотография Корольковой вообще на Доске почета висела: все-таки тридцать лет безупречного труда на одном месте!..

– Андрюш, я все пытаюсь понять, что у них еще было общего, кроме места работы, – сказала я.

– Не пытайся: ничего не было. Ни родственницами, ни подругами, ни соседками они не были. В самодеятельности пела только одна, две другие наши потеряшки, по словам родственников, могли разве что спеть и сплясать на семейном застолье. У руководства фабрики к ним никаких претензий не было...

– Но тогда их похитили именно как швей.

– Да? И кому они понадобились? На фабрике царит паника: женщины отказываются выходить работать в вечернюю смену. Оно и понятно: кому охота быть следующей похищенной! Пока только рекомендовано всем женщинам ходить не иначе как втроем. Те, кому в одну сторону, на проходной собираются в небольшие группы и так и идут до самого дома, а там их родственники встречают... В общем, все серьезно, и надо поскорее это разрулить: найти самих женщин или хотя бы их тела, чтобы родственники могли предать их земле.

– Андрюша, а тебе не кажется странным, что они пропада-

ли в порядке уменьшения возраста? Каждая следующая была моложе предыдущей.

– Да думал я над этим, Тань, думал!

– И что?

– Ничего! Объяснить это я пока не могу. У пропавших швей было общим то, что каждая из них шла до остановки транспорта одна. Заметь: женщины, которые шли парами либо группами, не пропадали.

– Андрюш, это значит, что преступник выбирал именно одиночек. Значит, он похищал наугад – не важно кого, лишь бы шла одна. А уменьшение возраста похищенных – это так... совпадение.

– Похоже, что да. Но проверить надо все версии.

– А все – это какие? Огласите весь список, пожалуйста!

– Ну вот, например, мне очень не понравилась мастер цеха, в котором работали две из пропавших женщин – Королькова и Овчаренко.

– Что за мастер?

– Лукошкина Анна Ивановна, тридцати девяти лет, мастер цеха легкого женского платья.

– Так. И чем именно тебе не понравилась эта Лукошкина?

– Да какая-то очень уж подозрительная тетка.

– Чем именно подозрительная?

– У нее глазки бегают.

– Куда?

– Туда-сюда, туда-сюда...

Я посмотрела на Мельникова внимательно.

– Бегают? – переспросила я.

– Бегают, бегают, – подтвердил он, – сам видел. И вообще, она явно испугалась, когда я сказал, откуда я.

– А чего ей пугаться, мастеру цеха?

– Вот и я подумал. О своих работницах она отозвалась хорошо, нормальные, мол, они и все такое... Но страх в ее глазах все-таки был.

– Ты ее, разумеется, проверил?

– Насколько смог. Узнал все, что только было можно.

– Ну и... Андрюш, ты уж давай выкладывай все до конца. Все-таки одно дело делаем.

– Да не переживай ты, не собираюсь я от тебя что-то скрывать! Только ничего особенного мне узнать не удалось. Тетка как тетка, разведена, двое детей. Не привлекалась, не замечена, не состояла... Ну, в общем, понятно.

– Что именно тебе понятно?

– Не она похитила своих швей. Ни с одной из них она в конфликте не была. Что им было делить?!

– А вот это мы и проверим. Для очистки совести.

– Давай, мать, вперед! Не забудь потом поделиться своими наблюдениями... Кстати, хочешь посмотреть их фотографии?

Мельников достал из бумажного конверта несколько снимков, протянул мне. Я начала рассматривать лица женщин. На обратной стороне было написано карандашом: «Ко-

ролькова Мария Федоровна», «Бейбулатова Ольга Геннадьевна», «Овчаренко Алла Яновна». Женщины как женщины, ну разве что последняя действительно не может претендовать на звание «мисс Тарасов». Я вернула фотографии Андрею.

В это время снова зазвонил телефон. Мельников поднял трубку:

– Алло!.. Да в морге он, в морге! И с ним все в порядке. Потом он отправляется на кладбище... Как зачем? Там памятники украли... Не ограды, а памятники!.. А я откуда знаю, зачем? Вот Гоголь и поехал туда, чтобы это выяснить...

Я неторопливо шла по длинному коридору полицейского участка. Лукошкина Анна Ивановна... «Ни с одной из них она в конфликте не была. Что им было делить?!» Эх, Андрюша! Не знаешь ты женщин. Уж кто-кто, а они всегда найдут что поделить!

Глава 3

Швейная фабрика в нашем городе находилась на одной из центральных улиц, в старинном здании из красного кирпича. Кажется, его построили еще в девятнадцатом веке. На проходной я показала свои корочки частного сыщика и объяснила вахтерше, огромной тетке неопределенного возраста в черной форме охранника, что иду к директору фабрики. Мне милостиво разрешили пройти на территорию, предварительно переписав все мои данные в какой-то потрепанный журнал. Я шла по двору фабрики, рассматривая два корпуса и современную пристройку, на которой висела большая вывеска – «Столовая». Рядом еще одна, поскромнее, – «Дирекция». Я направилась к двери с этой вывеской.

Директор оказался пожилым мужчиной с уставшим взглядом. Он представился Андреем Ерофеевичем.

– И чего вы от меня хотите? – немного раздраженно спросил он, посмотрев мои документы.

– По просьбе клиента, сына одной из ваших пропавших работниц, я веду частное расследование исчезновения женщин. Мне просто необходимо опросить работниц цеха, где трудились Королькова, Бейбулатова и Овчаренко.

– Вы что же, надеетесь их найти? – В голосе мужчины явно звучало сомнение.

– Вообще-то да. А что?

– Да так... Если уж полиция не смогла этого сделать! Все-таки со дня пропажи Корольковой прошло почти полгода... М-да... Полиция тут тоже ходила, расспрашивала, осматривала...

– Полиция – это не показатель, – сказала я с некоторым вызовом. – Поверьте, Андрей Ерофеевич, мне приходилось раскрывать такие преступления, которые с сожалением об-являлись «висяками».

– Что вы говорите! – Директор вдруг проявил ко мне ин-терес. – Вы раскрывали?... И находили пропавших? И много?

– Приходилось и пропавших находить, – ответила я уклончиво.

– Скажите, а вы могли бы найти... собаку?

– Собаку? – переспросила я, не веря своим ушам. – Какую собаку?

– Обыкновенную. Черный лабрадор. Мы зовем его Уго-лек. На самом деле у него другое имя – длинное и сложное, сами понимаете, родословная... Но для нас он просто Уго-лек.

– Так у вас пропала собака?

– Да, – тяжело вздохнул директор и похрустел сжатыми пальцами.

– Извините, Андрей Ерофеевич, – сказала я как можно вежливее, – но угольков искать я не умею.

– Но собаку-то найти, наверное, гораздо проще, чем че-ловека!

Ага, вот сейчас все брошу и пойду искать твою собаку! Если это так просто, иди и найди ее сам.

– Видите ли, в поисках животных есть своя специфика... – начала я, но директор только рукой махнул:

– Ладно, чего уж там! Все ясно: не найдем мы нашего Уголька!

Он вздохнул и опустил голову. В выражении его лица читалась неподдельная скорбь.

– Мы еще как-нибудь пережили бы его пропажу, а вот внук... Ему шесть лет, и ему не объяснишь, что взрослые умные дяди не могут найти какую-то там собаку... Мальчишка просто покой потерял, не спит, плохо ест, плачет...

– А давно пес пропал-то? – спросила я больше из сочувствия.

– Да примерно месяц назад. Я с ним в тот день гулять вышел поздно: с документами сидел, никак не мог... Впрочем, вам это неинтересно. Так вот. Внук уже спать лег, не дождался меня, бабушка его в начале десятого укладывает. Вообще-то мы втроем всегда гулять ходили, часов в восемь – в половине девятого. Так вот, вышел я с Угольком (мы здесь недалеко живем, буквально в двух кварталах). Он все бегал, бегал вокруг меня, а потом вдруг пропал... Я его часа три искал, звал, думал, прибежит...

– Поверьте, я очень вам сочувствую, Андрей Ерофеевич, но искать собак мне, честно говоря, не приходилось. И мне пора. Извините.

Я встала.

– Да, да... Я понимаю, вы заняты очень важным делом: поиском женщин...

Директор опустил голову и углубился в чтение какого-то документа, лежащего перед ним на столе. Я тихо вышла в приемную.

Путь мой лежал в тот корпус, над высокой железной дверью которого красовалась вывеска «Цех легкого женского платья». Тот, где работали две из пропавших женщин – Королькова и Овчаренко, и где мастером числилась та самая Лукошкина Анна Ивановна, у которой, по словам Мельникова, бегали глаза. У первой же встречной девушки в косынке, под которую она тщательно убрала волосы, я спросила, можно ли поговорить с ней.

– А вы кто? – уточнила бдительная швея.

Пришлось объяснить, кто я и зачем пришла на фабрику.

– Поговорить-то можно, – сморщила она курносый веснушчатый носик и посмотрела на часы, – только не сейчас. Я в туалет выскочила ненадолго и парню позвонить. Но у меня это... обед через полчаса, тогда в столовке и поговорим. Лады?

– Лады, – кивнула я, – только скажите, как вас зовут?

– Люба.

Девчонка убежала, а я пошла по широкому коридору, рассматривая большие рулоны ткани, наваленные горой на невысоком деревянном помосте. Они были пестрые и одно-

тонные – будущие платья и блузки. Я подошла к двери цеха и, приоткрыв, заглянула внутрь. Здесь находилось несколько десятков швейных машин, за которыми сидели женщины. Работающая техника издавала невыносимый, как мне показалось, шум. Ближайшая ко мне женщина подняла глаза и посмотрела на меня, но тут же опустила их на цветастое изделие, которое быстро выползало у нее из-под иглы. И как в такой обстановке разговаривать с людьми? Может, действительно, дождаться перерыва на обед и поговорить в столовой? Все-таки там тишина и более располагающая атмосфера.

– Это чего это вы тут высматриваете, а?! – Грозный голос заставил меня вздрогнуть и обернуться.

Передо мной стояла, уперев руки в бока, полная дама лет сорока. Первое, что сразу бросалось в глаза, – ее несуразная фигура: большая грудь, плечи и полные руки при довольно узких бедрах и тонких ногах. Она была похожа на перевернутую грушу: сверху у нее все было большое и полное, книзу все это сужалось и заканчивалось тонкой «плодоножкой». Ну то есть тонкими щиколотками ног. Дама с нескрываемым подозрением смотрела на меня. Пришлось объяснить, кто я и зачем сюда пожаловала.

– А вы у директора разрешения спросили? – женщина смотрела на меня все еще подозрительно.

– Разумеется! Именно он и посоветовал мне посетить этот цех, – не моргнув глазом соврала я.

– А-а... Ну тогда ладно, идите... – с некоторым разочарованием в голосе сказала дама.

– Простите, а вы кто? – в свою очередь, поинтересовалась я.

– Мастер я, Лукошкина, – недовольно выдала дамочка, и вдруг я заметила, как ее глазки забежали. Туда-сюда, быстро так...

– Анна Ивановна! – обрадовалась я.

– Ну, Анна Ивановна, и что?! Я уже тридцать пять лет Анна Ивановна!

Странно, подумала я, а Мельников, помнится, сказал, что ей тридцать девять.

– Так мне именно с вами необходимо поговорить, Анна Ивановна.

– О чем? Извините, э-э... как вас там? Мне некогда, работать надо. Меня вон... ждут, – кивнула она куда-то в пространство и быстро зашагала по коридору.

– А я вас надолго не задержу, – пообещала я, шагая в ногу с ней.

Дамочка посмотрела на меня с досадой: ну, как, мол, от тебя отвязаться?!

– Ладно, пошли ко мне в кабинет, что ли...

Мы завернули в небольшую комнатку, находящуюся рядом со входом в цех. Анна Ивановна уселась за свой рабочий стол – до того облезлый и обшарпанный, словно был подобран на свалке. На нем лежали кипы бумаг. Лукошкина сло-

жила полные руки, словно школьница на уроке, и уставилась на меня большими карими глазами. Я сделала то же самое – уставилась на нее своими зелеными глазами, при этом я осталась стоять, так как другого стула в каморке не было. Дамочка не выдержала моего взгляда, глазки ее снова забегали.

– Вы того... спрашивайте, чего хотели узнать-то?

– Я насчет пропавших работниц вашего цеха, – я подчеркнуто выделила последние слова.

– А что, я уже все вашим рассказала...

– Вы имеете в виду полицию? – уточнила я. – Смею вам напомнить, что я не оттуда. Я – частный детектив и веду свое собственное расследование.

– А я ничего не знаю, – заверила меня Лукошкина и на всякий случай посмотрела в сторону.

– Но вы же работали вместе с ними. Неужели не заметили ничего подозрительного?

– У меня в цехе работали только две из пропавших – Королькова и Овчаренко. Бейбулатову я знать не знала, она из цеха мужской верхней одежды...

– Я знаю. А что вы можете сказать об их характерах?

– Хорошие у них были характеры, хорошие. Ни с кем не ругались и на работу приходили вовремя.

Анна Ивановна замолчала и уставилась на меня.

– И это все, что вы можете мне сказать о ваших сотрудницах?

– Ну-у... Королькова еще в художественной самодеятель-

ности участвовала. Пела она. Хорошо пела, прямо как Надежда Бабкина. Всем нравилось.

– Пела? Это замечательно. А я вот танцую на досуге... А какой у нее был характер? С кем она дружила или, наоборот, ругалась по-черному? Кстати, к Овчаренко этот вопрос тоже относится.

– Да ни с кем они не ругались. Хорошие они были женщины, вот!

– Так уж и ни с кем? Извините, Анна Ивановна, но что-то мне не особо в это верится. Коллектив женский, а нам, женщинам, всегда есть что делить. Или я не права?

Лукошкина уставилась на меня своими круглыми, как пуговицы, глазами.

– Это вы на что сейчас намекаете? – захлебнувшись от «праведного» негодования, вскричала она.

– Боже меня упаси на что-то намекать! Просто я по опыту знаю, что в женском коллективе...

В этот момент дверь кабинета резко распахнулась, и в нее просунулась какая-то смурная небритая физиономия.

– Нюрк! Эт что же, мне опять машинку Пашуткиной ремонтировать?! Не, ты че, издеваешься надо мной?!

Физиономия непристойно выругалась.

– Да тише ты! – рявкнула Лукошкина и испуганно покосилась в мою сторону.

Только тут небритый заметил меня и смерил оценивающим взглядом.

– Я, конечно, извиняюсь, мадам, – сказал мужичонка невысокого роста в рабочем комбинезоне и бочком протиснулся в кабинет Лукошкиной.

– Иди, Петр Семенович, иди, – с нажимом сказала Анна Ивановна и взглянула на меня.

По всему было видно: ей неприятно, что я оказалась свидетелем этой сцены.

– Не, ну ты че, Нюр... то есть, это... Анна Ванна, ты давай уже разберись с этой Пашуткиной. Я, конечно, извиняюсь, мадам, но это что же получается: она будет без конца машинку ломать, а я – ремонтируй?! Не, я на такое не подписывался! Иди и разберись!

– А что у нее там случилось? – недовольно проворчала мастер.

– Опять приводной ремень порвался, и еще прижимная лапка сломалась.

– Черт! Как она только умудряется эту машинку ломать!.. Петр Семенович, ты давай, того... иди и почини все. Я потом с этой Пашуткиной сама разберусь.

– Нюр... То есть, это... Анна Ванна, я, конечно, извиняюсь, мадам, но так же никаких ремней не напасешься! И лапки у нас закончились.

– Как закончились? Вот черт! Петь, ну ты чего, в самом деле?! Иди и найди где-нибудь лапку. Что, Пашуткина теперь весь день будет баклуши бить?

– Нюр, ну ты че вааще? Где я тебе лапку-то найду? Зна-

ешь ведь, какой дефицит! Мы еще в прошлом месяце по ним лимит перекрыли...

Небритый возмущенно махнул рукой, едва не задев меня.

– Я, конечно, извиняюсь, мадам, – закончил он, заметив, как я на всякий случай отстранилась.

– Да иди уже! Мы разговариваем, не видишь?! – снова рывкнула на Петю Анна Ванна. – Пусть Пашуткина пока за другую машинку пересядет.

– Ага, пересядет! – передразнил мастера небритый. – Она и другую враз сломает. Это же Пашуткина! Мать ее... У нее же руки из жо... я извиняюсь, конечно... не оттуда растут...

– Поругайся мне здесь еще! – рывкнула Лукошкина, недовольно покосившись на меня. – Не видишь – у меня человек из полиции.

– А мне хоть из ФСБ! Я, может, за свою работу сильно радею. А это не преступление... Я, конечно, извиняюсь, мадам, – добавил Петя, снова окинув меня оценивающим взглядом.

Лукошкина перехватила этот взгляд и начала активно выпроваживать Петю из своей конторки:

– Иди, Петр Семенович, работай, нечего мне тут... Потом подойду к тебе, и мы вместе разберемся с Пашуткиной...

Петр Семенович, ворча, вышел в коридор, на прощание еще раз окинув меня внимательным взглядом.

– Наш мастер-наладчик швейного оборудования, – запоздало представила его Лукошкина, – хороший мастер, не

смотрите, что ворчит и матом ругается. Зато за дело действительно радуется. А Пашуткина у нас и вправду – сплошное недоразумение. Молодая, всего второй год как из колледжа легкой промышленности к нам пришла. А уж недотепа! Ломает и ломает машинку! Ломает и ломает... Ну что мне с ней делать?!

– Анна Ивановна, давайте вернемся к пропавшим женщинам, – предложила я.

– Давайте, – согласилась Лукошкина. – Только к тому, что я вам сказала, мне добавить нечего. И Королькова, и Овчаренко работали хорошо, брака в работе не допускали, на смену не опаздывали, никогда не прогуливали...

Все это я уже слышала, и ничего нового мне, Анна Ивановна, похоже, сообщать не собиралась. Или действительно ничего больше про пропавших не знала?

Я посмотрела на часы: время приближалось к обеду. Я сказала Лукошкиной, что надеюсь еще увидаться с ней, и вышла из ее каморки. Я направилась в современную пристройку с вывеской «Столовая».

При входе мне в нос ударили запахи мясных щей и жареных котлет. Народа в столовой пока не было, очевидно, здесь ходили на обед строго по расписанию. Я взяла на раздаче порцию второго – кучку сероватой, расплзающейся по тарелке массы, именуемую в меню приятным на слух словосочетанием «картофельное пюре», и неопределенного цвета и формы лепешку, именуемую там же «котлета свиноговя-

жья». Стакан с бесцветной жидкостью – яблочным компотом, если верить тому же меню, – и сахарное кольцо должны были завершить мою нехитрую трапезу. Я выбрала самый дальний стол и поставила на него поднос.

Буквально через пару минут в помещение начали заходить женщины. Все они были в косынках, с кошельками руках. Они быстро прибывали в обеденный зал, выстраиваясь в очередь к раздаточному столу. Вот и моя знакомая девочка Люба впорхнула с прижатым к уху телефоном. Когда с подносом в руках отошла от кассы, я окликнула ее. Девушка подошла ко мне.

– Присаживайтесь, Люба. Я думаю, здесь нам удобно будет поговорить.

Она села и принялась уминать свои щи, не убирая тарелки с подноса. Девушка с шумом втягивала в себя жидкость с ложки, чавкая, как маленький ребенок. Я посмотрела на ее руки: ногти носили следы давно облупившегося лака, при этом не было намека на маникюр. Похоже, она из деревни, подумала я и, чтобы проверить свою догадку, спросила:

– Люба, а вы давно переехали жить в город?

Девушка даже перестала есть от удивления. Она подняла голову от тарелки и посмотрела на меня:

– А вы откуда знаете, что я из деревни?

– Нет, я только предположила... Но, если хотите, можете не отвечать, это я просто так спросила... чтобы как-то начать разговор. На самом деле меня интересуют женщины, рабо-

тавшие на вашей фабрике и пропавшие загадочным образом.

– Да уж, темная история! Мамка, как только узнала, что тетки эти у нас попропадали, велела мне немедленно возвращаться домой, в Гороховку.

– И что же вы не поехали?

– А на кой? Я тут колледж закончила, шить научилась, профессия, она всегда кусок хлеба человеку дает. А что я буду в Гороховке делать? Колхоз давно развалился, огородом сейчас не проживешь...

– Нравится вам в городе?

– А че, прикольно! Я тут и парня себе завела, – не без гордости выдала девчонка и шмыгнула веснушчатым носом.

– Молодец! – похвалила я собеседницу. – Шустрая вы! А что, те тетеньки, которые пропали, они как, нормальные были или с прибабахом?

– Дуры они были, – шепотом сообщила мне Люба.

– Это почему? – опешила я.

Девчонка оглянулась на своих подруг, которые ели за соседними столами, непринужденно болтая, но поглядывая в нашу сторону. Всем было интересно, что это за фифа разговаривает с их сотрудницей.

– А потому и дуры, – так же тихо ответила Люба. – Одна все песенки на праздниках распевала, тоже мне Алла Пугачева! Песни-то все неинтересные, несовременные. Такие только моя мамка в деревне поет, когда корову доит или когда гости придут и самогонки нажрут. А другая и того ду-

рей: взяла да и увела у Кошелки ейного хахаля!

Люба продолжила хлебать щи, а я почувствовала, что просто выпала в осадок. Во-первых, оказывается, не всем нравилось, как пела Королькова. Ну, это-то понятно: вкус – дело сугубо индивидуальное. А во-вторых, Алла Овчаренко увела у какой-то тетки по кличке Кошелка ухажера. Интересно, у кого? Я внимательно посмотрела на Любу. Она с упоением обсасывала мосол, с которого только что съела мясо.

– Эх, жалко, разбить нечем, – сокрушалась она, – там же мозг – он такой вкусный, зараза!..

Девушка с сожалением положила кость в пустую тарелку, поставила прямо в нее второе блюдо, которое в меню значилось как «картофельное пюре», и принялась за него. Я в это время уже покончила со своим вторым.

– Люба, а кого вы называете Кошелкой? – поинтересовалась я как бы между прочим.

Она посмотрела на меня, как на деревенскую дурочку.

– Как это кого? – изогнула Люба свои выщипанные брови. – Знамо кого: мастерицу нашу, Лукошкину.

Она снова с удовольствием принялась за пюре, а я почувствовала, как стул качнулся подо мной. Что я слышу? Овчаренко увела у Лукошкиной «ейного хахаля»? Та самая некрасивая девчонка, про которую Андрей сказал, что ей только Бабу Ягу в театре играть без грима?

– Люба, расскажите мне об этом поподробнее, – попросила я, принимаясь за компот и сахарное кольцо.

Девушка проглотила кусок «свиноговяжьей» котлеты и откусила хлеб. Она тщательно прожевала, прежде чем проглотить, и ответила мне:

– Вы нашу мастерицу видели?

– Анну Ивановну? – уточнила я.

Люба кивнула.

– Видела.

– Так вот, ей, чтоб вы знали, тридцать девять лет, она разведена и имеет детей-близняшек – сына и дочь, им по четырнадцать лет. Пять лет назад муж бросил нашу Анну Ивановну ради молодой бабенки...

– А вы, Люба, откуда это знаете?

– Что ей тридцать девять?

– Нет, что муж от нее ушел?

– Ну вы даете! Так про это весь цех знает! Да что там цех, вся фабрика. Ага... Так вот, она начала завлекать наладчика нашего, Огурцова Петра Семеныча по кличке Огурец. Если вы его еще не видели, то сходите и поглядите, не пожалеете.

– А зачем она его начала завлекать?

– Как зачем? Ну вы даете! Она разведена, он разведен...

Говорят, жена выгнала его за постоянные измены.

– И он тоже холостяк? – уточнила я.

– Ага. Ну вот, два одиноких сердца и все такое... Только он ведь на три года моложе ее. Или на четыре?.. А она все равно с ним упорно заигрывала. Говорят, они встречаться начали и все такое... Короче, Огурец к нашей Лукошки-

ной частенько захаживал после работы и даже оставался ночевать. Я его понимаю: милая его хоть и старше, а все лучше дома, чем на съемной-то квартире! А тут вдруг в нашем цехе появилась Алла Овчаренко. Девка-то хоть и дурнушка, но все-таки ей тридцать, а не почти сорок, как Лукошкиной. И довеска в виде двух детей-подростков у нее нет. А еще Огурец узнал, что Алла наследует квартиру своей бабки...

– Что вы говорите? – ахнула я.

– Ага. Бабке-то уже восемьдесят, она живет в центре, в старом, но очень хорошем доме...

Я посмотрела на чересчур осведомленную Любу. Просто ходячий справочник! Все знает...

Девушка между тем продолжала:

– Так вот. Наш Огурец бросил Анну Иванну и стал увиваться вокруг Аллы. А Кошелка пришла в негодование: как же, посмел променять ее на какую-то конопатую носатую страшилку!...

Тут одна из девушек, сидящих за соседним столом, встала и крикнула моей собеседнице:

– Любка! Кончай трепаться! Обеденный перерыв кончился. Пошли работать, и так отстаешь. Пока ты в сортир бегала, я тебя рукавами завалила, теперь до вечера не разгребешь...

– Видели? – кивнула Люба в сторону подруги. – Вот так мы и работаем: по нужде не отойдешь, не то что пожрать... Ага. Так что вы это... извиняйте, я пошла...

Девушка залпом допила компот и рванула к выходу, до-

ставая телефон из кармана. А я сидела, потихоньку доедая свое сахарное кольцо, и размышляла.

Вон как все обернулось! Значит, все-таки было что делить мастеру цеха и одной из пропавших женщин?! Так, может, это Лукошкина и похитила Аллу Овчаренко? Перерезала ей горло бритвой, упаковала в большой полиэтиленовый мешок и запихнула в какой-нибудь подвал? Но как же тогда две другие женщины – мать Юрия Королькова и Бейбулатова Ольга? Они-то не сделали Анне Ивановне ничего плохого. Кто тогда похитил их? Или это просто инсценировка со стороны мастера, чтобы отвлечь от себя подозрение? Мол, в городе орудует серийный похититель швей-мотористок и никакие любовные отношения тут ни при чем?.. Загадки, загадки... Ничего, все равно рано или поздно я их разгадаю!

Доев сахарное кольцо, я отправилась в другой цех, где работала Ольга Бейбулатова. Остаток дня я занималась тем, что расспрашивала всех, кого только встречала на территории фабрики, о трех пропавших женщинах. Но все как по заказу говорили мне одно: они были очень хорошие, работали добросовестно, ничего подозрительного с ними не происходило. Сведения про Аллу, отбившую у мастера Анны Ивановны кавалера, подтвердила еще одна девушка из цеха легкого платья. Значит, история имеет место быть, и никуда от этого не денешься! Что ж, сегодня же вечером пойду домой к Алле Овчаренко. Посмотрим, что мне скажут ее родные.

Позвонив Мельникову, я выяснила адрес, по которому

проживала девушка, и, сев в свою машину, отправилась туда.

Глава 4

На мой звонок дверь открыла женщина лет тридцати пяти. Она была такой же несимпатичной, как и Алла. Было件нятно, что это и есть ее родная сестра, к тому же старшая. Я объяснила женщине, кто я и зачем пожаловала в ее дом.

– Проходите, – грустно вздохнула она и отступила в глубь коридора, давая мне пройти.

– Простите, а вас как зовут?

– Соня. Соня Малаева – это я по мужу, как вы понимаете...

Мы прошли в большую комнату, служащую у хозяев гостиной, и сели в глубокие кресла. Из кухни слышался мужской голос и смех детей.

– Вы, очевидно, ужинали? – спросила я. – А я вам помешала...

– Ничего, я давно перекусила. А своим я дала по полной тарелке каши – без меня теперь поедят.

Мы помолчали несколько мгновений. Я рассматривала комнату, в которой мы сидели, а Соня изучала меня. В комнате были хорошие обои, неплохая мебель. Никаких излишеств, только диван, два кресла, телевизор и небольшая горка.

– Так что вы хотели узнать конкретно? – спросила Соня. – И учтите: в полиции я рассказала все... Хотя... Что тут, соб-

ственно, рассказывать? В тот день Алла ушла в обед на работу – у нее была вторая смена, – а домой вечером уже не вернулась...

Соня всхлипнула, достала из кармана фланелевого халата салфетку и промокнула глаза.

– Пожалуйста, расскажите мне про вашу сестру, – попросила я.

Соня подняла на меня удивленные глаза:

– А что про нее рассказывать? Она – моя младшая сестра, жила у меня... Это наша с мужем квартира. Папа и мама живут в другом городе, а мы – здесь, в Тарасове. Я работаю кассиром в магазине, муж – в автосервисе. Мы с сестрой жили дружно, не ругались... Ну, если только по мелочам... Она мне за детьми присмотреть помогала... Господи! Да я все это в полиции уже сто раз рассказывала!

– Соня, а ваша бабушка? Я слышала, что она живет в старом, но хорошем доме и свою квартиру завещала Алле...

Женщина снова посмотрела на меня удивленно:

– Откуда у вас такие сведения?

– Работа такая, – ответила я уклончиво. – Так как насчет бабушкиного наследства?

Соня потерела в руках салфетку.

– Господи! Ну что за люди?! Все про всех знают!..

В это время в комнату зашла девочка лет двенадцати. Я отметила про себя, что на Соню она совсем не похожа: у нее были аккуратные черты лица и короткий прямой нос.

– Мам, а где у нас сгущенка? – спросила девчонка капризно.

– Какая сгущенка?! – прикрикнула на нее Соня. – Вы что, уже всю кашу съели? Или, как в прошлый раз, с кошкой поделились?

– Да всю, всю! Чай собираемся пить... Мам, ну где сгущенка-то?

– В холодильнике, на нижней полке. Иди, иди, Аль, не мешай нам, видишь: мы с тетей разговариваем.

– А ты чай пойдешь пить с нами?

– Потом...

Девчонка скрылась за дверью, а Соня повернулась ко мне:

– Старшенькая моя, Алина...

– Соня, а ваша сестра не говорила вам, на фабрике за ней никто не ухаживает?

– А кому там ухаживать? Там же одно бабье работает!

– Вообще-то там есть наладчики швейного оборудования.

– Ах, этот!.. Да, говорила! Как его там?.. Не то Огурец, не то Кабачок... Одним словом, овощ... Господи! Тоже мне, жених!

– А что, ваша сестра не отвечала ему взаимностью?

– Алла? Ему? Да вы что?! Как вы могли подумать?! Он же разведенный, алиментщик! А она – девушка!

Соня сказала это таким тоном, что я поняла: ее сестра была права в вопросе выбора спутника жизни и со всякими там непутевыми типами и алиментщиками никаких дел не име-

ла. То, что девушка Алла была далеко не первой красавицей города, к тому же разменявшей четвертый десяток, Соня, разумеется, скромно умолчала.

— А как все-таки насчет бабушкиной квартиры? — напомнила я.

Женщина посмотрела на меня тоскливо. «Далась тебе эта квартира!» — так и говорил ее взгляд. Но я отступать не собиралась: если этот вопрос неприятен сестре пропавшей, значит, для этого есть причина. И если Соня хочет его замять, то моя задача, наоборот, все раскопать до самых «ого!» и «ни фига себе!».

— Квартира... она, понимаете, бабушкина квартира... А Алла... она, понимаете... она живет в моей квартире... моей и мужа. Мы вот здесь с ней живем...

— Это я как раз понимаю, — с готовностью кивнула я, а про себя подумала: что она там себе бормочет? При чем здесь ее квартира? Точнее, ее и мужа. Кажется, я поставила вопрос очень даже конкретно: я хочу выяснить насчет бабушкиной квартиры.

— Алла занимает вон ту комнату, — продолжала между тем Соня, кивнув в сторону коридора, — и мы хорошо друг с другом ладим, и у нас нет никаких размолвок...

— Соня, — перебила я непонятливую хозяйку, — вы мне скажите только одно: кому будет принадлежать квартира вашей бабушки после... извините, ее смерти?

И вновь она посмотрела на меня тоскливо.

– А вы, извините, вообще имеете право задавать мне подобные вопросы?

От неожиданности я даже растерялась.

– Простите, а что такого особенного я у вас спросила? Вопрос о наследстве...

– Послушайте, Татьяна, вас ведь, кажется, так зовут? Я вам уже сказала: в полиции я дала показания, на все вопросы ответила, все, что знала и о чем только догадывалась, им выложила. Так что вы от меня еще хотите, просто не понимаю?! Какое отношение имеет наследство бабушки к пропаже моей сестры? Вы бы лучше саму сестру искали!

Хозяйка надула свои некрасивые толстые губы и от этого стала еще более непривлекательной.

– Поверьте мне, Соня, именно это я и делаю... – начала было я, но она меня быстро перебила:

– Да где же вы ищете сестру?! Вы как раз ее совсем не ищете! Вы сидите тут и задаете мне какие-то непонятные вопросы!..

– У меня такой метод работы, – терпеливо объяснила я, – сначала я собираю информацию, разговариваю со всеми родными и близкими пропавших женщин, а также их сослуживцами, выясняю, не было ли у кого-то мотива... похитить их... А потом я анализирую все полученные сведения и делаю выводы...

– Что? Мотива похитить? – Соня едва не подскочила в своем кресле. – Это вы мне говорите о мотиве похитить?

Мне, родной сестре?! Да я... да мы... мы с мужем... с родственниками... мы тут же заявили в полицию! Мы обзвонили все больницы!.. Мы...

– Еще говорят, вы хотели познакомить вашу сестру с мужчиной, чтобы выдать ее замуж?

Этот вопрос обескуражил Соню. Она уставилась на меня, удивленно хлопая своими бесцветными ресницами.

– Ну и что?! Это, по-вашему, не нормально, что я хотела выдать сестру замуж? Алле уже тридцатник стукнул, к вашему сведению, а она у нас все еще в девках ходит... ходила... Или все еще ходит?..

Соня снова всхлипнула и быстро достала из кармана кухонную салфетку, которую незадолго до этого убрала. В это время в дверях появился мужчина того же возраста, что и хозяйка. Он был высок и симпатичен. Аккуратные черты лица и короткий прямой нос делали его почти красавцем.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он, останавливаясь на пороге комнаты.

– Виктор, иди к детям! – вскочила с кресла Соня.

– А чего к ним идти? Они что, маленькие? Вон сидят себе в кухне, чай пьют... Кашу твою, кстати, всю съели...

Мужчина прошел в комнату и представился мне:

– Виктор Малаев, муж Сони и, соответственно, зять Аллы.

Я едва сдержалась, чтобы не уронить челюсть на грудь. Муж Сони? Вот этот высокий симпатяга с открытым, веселым взглядом? Я покосилась на его некрасивую большеро-

тую супругу, вытирающую свой длинный веснушчатый нос салфеткой. Она в этот момент тоже смотрела на меня, и стало ясно, что обе мы прекрасно поняли друг друга. Соня гордо вскинула голову и посмотрела на меня с вызовом. Я постаралась сделать вид, что все нормально, что я ничуть не удивлена таким открытием, и, в свою очередь, представилась Виктору:

– Татьяна Иванова, частный детектив. Расследую дело о пропаже женщин со швейной фабрики, в том числе и вашей родственницы.

– Да, я кое-что из вашего разговора услышал...

Соня в это время плюхнулась обратно в кресло.

– Частный детектив, говорите? – изумился Виктор, откровенно рассматривая меня. – Здорово! А кто вас нанял? Мы, например, не можем оплатить труд частного сыщика: у нас все-таки двое иждивенцев, а вы, я слышал, дорого берете. Нашу Аллу ищет полиция...

– Мои услуги оплачивает сын одной из пропавших женщин, – объяснила я. – Виктор, раз уж вы появились, и очень вовремя, может, ответите на мои вопросы, а то вашу супругу они почему-то напрягают?

Мужчина сел на диван и с готовностью кивнул:

– Охотно отвечу!

– Почему это они меня напрягают? – возмутилась его супруга.

Я проигнорировала ее вопрос.

– Виктор, иди лучше помой посуду, а мы тут сами поговорим... – начала было Соня, но супруг отмахнулся:

– Посуду и Алинка может помыть, не маленькая! Как-никак уже тринадцатый год. А вы задавайте свои вопросы, – повернулся он ко мне.

– Да я вот пытаюсь прояснить вопрос с бабушкиным наследством, – сказала я, – только что-то он у нас никак не выясняется.

– А что там выяснять? Квартира у бабушки есть, это факт! Правда, в старом жилом фонде, но очень, я бы сказал, приличная. Большая светлая комната: два больших окна, потолок очень высокий, и кухня хорошая, и прихожая просторная...

– И туалет в доме? – уточнила я.

– Все удобства!

– Уже хорошо. И кто же наследует это сокровище после бабушкиной смерти?

– Как кто? – удивился Виктор. – Алла, естественно! Соня, а ты что, не сказала об этом госпоже частному детективу? – Виктор удивленно посмотрел на супругу, а та недовольно поджала губы, отчего они у нее превратились в две узенькие-преузенькие полоски, сделав свою хозяйку похожей на Буратино.

– Еще не успела, – язвительно ответила Соня, стрельнув в супруга быстрым взглядом.

Причем сказала она это таким тоном, каким обычно гово-

рят: шел бы ты отсюда, дорогой, и не вмешивался не в свое дело!

– Значит, наследница – Алла, – подытожила я. – И завещание, как я понимаю, оформлено официально...

– Естественно! У нас с мужем квартира, сами видите, есть, а та, бабушкина, отойдет сестре.

– А в случае смерти Аллы – не дай бог, конечно, – квартиру получите вы? – я посмотрела на Соню.

Она потерела салфетку и кивнула:

– Ну да, я... Я же сестра, ближайшая родственница...

– Понятно.

Я перевела взгляд на Виктора. Он сидел на диване, закинув ногу на ногу, и смотрел на меня почти весело.

– А вы, по-моему, совсем не огорчены пропажей вашей свояченицы, – сказала я.

Виктор округлил глаза:

– Как это не огорчен? С чего вы взяли? Очень даже огорчен!

– Да он места себе не находит, так переживает! – вступилась за супруга Соня.

– А где вы были в тот вечер, когда пропала Алла? – спросила я.

– Как где? На работе был, в автомастерской.

– И кем вы там работаете?

– Я специалист по электрике. У вас, Татьяна, машина есть?

Я кивнула.

– Если что у вас с электрикой приключится – милости просим! – Виктор смотрел на меня открыто и искренне. Или мне так только казалось?

– И этому есть свидетели? – уточнила я.

– Чему? – не понял он. – Что я – специалист по электрике?

– Тому, что в момент пропажи вашей свояченицы вы были в автомастерской, – терпеливо объяснила я.

– Татьяна! Как вы смеете задавать подобные вопросы моему супругу?! – вскричала Соня, покраснев от негодования.

А красный цвет ей не идет, мелькнуло у меня. С таким лицом она стала похожа на вареного рака.

– Да ничего, ничего, – успокоил чересчур вспыльчивую жену Виктор. – В полиции меня спрашивали о том же, даже проверяли мое алиби. Ведь это так, кажется, называется?

Я кивнула.

– Да, в тот самый вечер я допоздна был в автомастерской, надо было срочно сделать одну машинку... Человек собирался в командировку, а у него там... Впрочем, вам это неинтересно. Так вот, мы с Архипычем до одиннадцати проторчали на работе. Все сделали: он – свои слесарные работы, я – электрику... И хозяин машины был с нами, ждал. Так что у меня два свидетеля.

– А домой вы во сколько пришли?

– Примерно в половине двенадцатого.

– Алла в это время обычно была уже дома?

– Она со второй смены в одиннадцать ровно приходила, – вставила свое слово Соня, – ну максимум минут десять двенадцатого.

– А вы? – я посмотрела на хозяйку дома.

– А я в тот день на работе была до шести. В шесть меня сменили, и я, набрав продуктов, ушла домой, – подчеркнуто любезно ответила Соня, но тут же сорвалась: – Почему вы, Татьяна, задаете нам такие вопросы?! Вы что, подозреваете нас? В чем?

– Извините, но я просто обязана была спросить вас об этом. Мой метод работы...

– А знаете, что я вам скажу? – встрепенулся вдруг Виктор. – Татьяна, мне кажется... нет, я совершенно уверен, что с Аллой все в порядке и она скоро объявится.

– Да?! – изумилась я. – Интересно. И как же она может объявиться?

– Не могу сказать, как именно, но вот чувствую, что она жива и здорова и совсем скоро мы ее увидим, – Виктор смотрел на меня почти счастливым взглядом.

– Это очень интересно! У вас что же, интуиция так сильно развита? – спросила я. – Или открылся третий глаз?

– Не знаю, как именно это назвать, но то, что с Аллой все в порядке, я просто чувствую, – заверил меня Виктор.

– Вашими бы устами... Кстати, у Аллы были с кем-нибудь конфликты? Я имею в виду соседей или знакомых.

– Ни с кем, – отрезала Соня.

– И она ни с кем не встречалась в последнее время?

– Нет.

– А среди тех, с кем она встречалась давно, более полугода назад, не было того, кто мог бы ей за что-то мстить?

Соня округлила глаза:

– За что?

– Ну не знаю... Может, она отказала кому-то, а покинутый кавалер...

– Ой, ну глупости вы говорите! – Соня расправила подол своего халата на коленях. – Ни с кем она не конфликтовала! Она у нас вообще спокойная была. А кавалеры... Если честно сказать... Одним словом, не было у нее никогда никаких кавалеров.

– Алла была так разборчива?

– Скорее, женихи ей все больше попадались такие... чересчур разборчивые! И привередливые...

Соня с любовью и нежностью посмотрела на своего супруга. Уж он-то у нее не был ни чересчур разборчивым, ни привередливым, догадалась я. Видный симпатичный парень женился на абсолютно некрасивой девчонке – веснушчатой, с длинным носом, большим ртом и низким лбом. Что ж, бывает в жизни и такое...

Я встала.

– Спасибо вам за то, что ответили на мои вопросы.

Хозяева поднялись.

– А как же! Мы ведь тоже заинтересованы, чтобы вы на-

шли пропавших женщин. Там ведь и наша Алла...

Соня снова всхлипнула, а я направилась к выходу.

Когда дверь их квартиры захлопнулась за мной, я, оглянувшись на лестничные марши и убедившись, что в подъезде никого нет, тут же приложила ухо к замочной скважине. Я была просто уверена, что Соня сейчас начнет разборки со своим мужем. И не ошиблась.

– Виктор! Ты зачем ей про квартиру бабушки рассказал? – донесся до меня сердитый голос хозяйки.

– А что? Ты думаешь, она сама о ней не знает? Раз спрашивает, стало быть, в курсе...

– Все равно не надо было говорить...

– Как не говорить?! Сонь, ты что?! Это сразу вызвало бы подозрение...

Голоса стихли, должно быть, хозяева ушли в комнату, чтобы продолжить свои семейные разборки там. Впрочем, ругались они не так сильно. Я спустилась по лестнице и вышла из подъезда.

Возле него гуляла с собачкой солидного возраста дама. Она стояла под фонарем, освещавшим вход в подъезд, а собачка бегала возле нее, не отходя на большое расстояние. Раз уж посчастливилось встретиться с соседкой, подумала я, расспрошу-ка ее об Алле.

– Извините, вы живете в этом подъезде?

Дама подняла воротник темного пальто, закрывая шею от ветра, и охотно ответила:

– Да, я живу в этом доме и именно в этом подъезде уже более пятнадцати лет!

Она сказала это таким тоном, словно в этом была ее большая заслуга.

– Это очень хорошо, – обрадовалась я. – Частный детектив Татьяна Иванова. Вы слышали о том, что ваша соседка Алла Овчаренко пропала?

Дама кивнула:

– Разумеется! Кто же об этом не слышал! Весь подъезд знает... Ужас! Бедная девочка!..

– Так вот, я веду расследование этого дела. Я только что была дома у Аллы и разговаривала с ее сестрой и зятем...

– Так вы были у этой колдуньи?! – ужаснулась дама, вытаращив на меня свои и без того большие глаза.

– У какой колдуньи? – не смогла скрыть своего изумления я. – Простите, кого вы называете колдуньей?

– Ну, эту... Соньку Малаеву!

– А разве она... хм?... – У меня даже не повернулся язык повторить то слово, которым дама окрестила мою новую знакомую.

– Колдунья, колдунья! – страстно зашептала дама. – Даже не сомневайтесь! Еще какая колдунья!

– И у вас есть этому доказательства? – спросила я, с сомнением глядя на соседку. Может, у этой собачницы с головой не все в порядке?

– Есть!

– Какие?

– Железобетонные!

Это круто. Дама с собачкой между тем зашептала мне страстно:

– А вы сами-то разве этого не заметили? А, ну да... Вы сколько времени пробыли в этом доме? Несколько минут, ну полчаса, я так полагаю. А я знаю ее много лет!.. Здравствуйте, Елена Григорьевна!

Дама раскланялась с какой-то женщиной, вошедшей в подъезд. Потом взяла меня под руку и отвела чуть в сторону от двери.

– Меня зовут Евдокия Поликарповна, – негромко и доверительно сообщила она, – я здесь давно живу и, поверьте, очень хорошо всех знаю. Соня эта въехала сюда уже при мне. Тогда она еще не была Малаевой, она была Овчаренко и была не замужем... Вы ее видели? Видели... Вот скажите мне честно и откровенно: такая, ну, прямо скажем, страшная на вид девушка могла подцепить такого красавчика, как Виктор, и даже выйти за него замуж... естественным, так сказать, образом?

Дама смотрела на меня пристально. Я даже не знала, что ей на это ответить.

– А! Сомневаетесь! Вот! – обрадовалась Евдокия Поликарповна. – И я о том же... Да что я! Весь подъезд говорит, что она его приворожила! Да, да, тут дело не обошлось без какой-нибудь бабки. Опоила она его, это как пить дать!

Женщина смотрела на меня победно: как, мол, я вас?! Железобетонные доказательства?

– А вы не допускаете, что Виктор полюбил Соню за хороший характер или за то, что она хорошая хозяйка? – спросила я.

– Кто хорошая хозяйка?! – изумилась, в свою очередь, соседка. – Сонька – Золотая Ручка?! Да не смешите меня! Хозяйка она никудышная, это я вам точно говорю: я сама была в ее квартире не раз и видела... Здравсьте, Алексей Игнатьевич!..

Евдокия Поликарповна с широкой улыбкой раскланялась с входящим в подъезд пожилым мужчиной в кепке.

– Так вот, – повернулась она опять ко мне, – Сонька – Золотая Ручка хозяйка очень плохая, и в доме у нее грязно, если вы заметили, и с детьми она обращается плохо. А кем работает?! Кассир в продуктовом магазине! А уж как с сестрой ругалась! Весь дом слышал...

– Соня ругалась с Аллой? – уточнила я.

– Да я это под присягой могу подтвердить! Ругались, еще как ругались!

– Из-за чего?

– Да вот совсем недавно, незадолго до того, как Алла пропала, я проходила мимо их двери... Я вообще-то на первом этаже живу, но в тот день я поднялась к Ольге Владимировне. Мы у нее чайку попили, поговорили так душевно... Так вот, спускаюсь я к себе, а дело было уже к ночи, поздно, од-

ним словом, в подъезде тишина... И тут я слышу из-за двери Малаевых шум, как будто спорит кто-то. Вы только поймите меня правильно: я никогда не подслушиваю под чужими дверями, у меня такой некрасивой привычки отродясь не было.

Я с готовностью закивала, давая понять, что верю моей новой знакомой.

– Так вот, я и слышу, как они ругаются, и речь идет о какой-то квартире...

– Простите, ругаются – кто именно?

– Сестры! Эти кикиморы длинноносые, прости господа!

– Из-за квартиры?

– Да, я четко слышала, как раза три было сказано слово «квартира»!

– А что именно они говорили про квартиру?

– Вы знаете, Татьяна, из-за двери было не очень хорошо слышно...

Евдокия Поликарповна посмотрела на меня виновато.

– Что же, спасибо за очень нужные сведения.

– А вы будьте с ней осторожны, – предупредила дамочка, – я вам точно говорю: Сонька – колдунья.

– А почему вы называете ее Золотая Ручка?

– Потому что тянет к себе все, что только можно.

– Да? – удивилась я. – И что именно она утянула?

– Во-первых, мужа. Приворожила она его, приворотным зельем опоила – это и к гадалке не ходи! Тут же родила ему

двух детей одного за другим – куда он, родимый, теперь, денется?! Шустрая девочка, правда? А еще я вот что знаю: квартиру эту, в которой они сейчас живут, родители сестер обеим дочерям покупали. Они первоначально вдвоем в ней и жили. Только вот старшенькая, Сонечка наша, пошустрей сестрицы оказалась: замуж умудрилась быстро выскочить и детей мужу родить, и младшенку-то потеснили! Она, горемыка, теперь в самой маленькой комнатке живет. И я всегда знала: недалек тот день, когда Аллочку вообще из этой квартирки попросят! Вот оно и...

Евдокия Поликарповна победно смотрела на меня, вот, мол, я какая – все знаю!

– То есть сестры, по-вашему, живут не особо дружно?

– Да какое там дружно! Не ладят они между собой, я вам точно говорю! Сама слышала, как они ругались. И тому, что Аллочка пропала, лично я даже не удивляюсь.

Женщина снова многозначительно посмотрела на меня.

– А вы знаете о том, что у Аллы есть наследство – квартира бабушки?

– Нет, – растерянno протянула женщина. – А что, бабушка ихняя того... померла, что ли?

– Пока нет. Я это к тому, что старшей сестре просто нет нужды наносить вред младшей: она и так скоро уйдет в квартиру бабушки.

Евдокия Поликарповна только хмыкнула:

– Так ведь Сонька со своим стервозным характером и ту

квартирку себе оттяпает! Как пить дать оттяпает! Вот помяните мое слово...

Глава 5

Спустя полчаса я уже сидела дома, в тепле, в своем уютном кресле, поджав под себя ноги. Я пила горячий кофе с ванильным печеньем и думала о том, что мне довелось услышать и увидеть сегодня. Возьмем работников фабрики. Все как один твердят, что у каждой из пропавших женщин был прямо-таки золотой характер. Но тут же выясняется, что золотой-то он золотой, да вот не совсем. Или, по крайней мере, не у всех. Алла, например, взяла и увела у Лукошкиной кавалера, не смотрите, что нос длинный и рот до ушей – «хоть завязочки пришей». И то, что сама Анна Ивановна расхваливала своих сотрудниц, меня не обманет: если у нее увели любимого – пусть и такого заморыша, как Огурец, – обида должна была засесть в ее сердце. И тут Андрюша был, пожалуй, прав: тетка она и впрямь подозрительная. Мне по опыту известно: раз глазки у человека бегают, то совесть у него нечиста! Во всяком случае, это должно насторожить. Пожалуй, за Лукошкиной стоит последить с завтрашнего дня.

Я отхлебнула еще глоток горячего напитка. По телу разливалось приятное тепло.

Так. И еще сестра Аллы... Что-то не понравилась мне эта Соня. Сонька – Золотая Ручка, как сказала ее соседка Евдокия Поликарповна. Из-за чего же ругались сестры Овчаренко? По словам той же соседки, в споре неоднократно упоми-

налась какая-то квартира. Какая именно? Если бабушкина, то это не есть хорошо. Может, старшая сестра действительно решила прибрать к своим «золотым ручкам» и бабушкину хатку с высоким потолком? А что, старый жилфонд, он хоть и старый, а все равно такая квартирка, думаю, не хило будет стоять! Значит, придется еще покопаться в отношениях между сестрами. Расспросить соседей, сослуживцев Со-ни. Может, она кому-то проговорилась насчет конфликтов с сестрой?

Что касается самих потеряшек, то пока никаких их следов и даже намеков на следы я не обнаружила. Вот черт! Может, их инопланетяне украли? Говорят, они любят воровать землян для своих экспериментов. Но почему именно швей? Им что, похитить больше было некого? Или они разучились шить себе одежду? А может, они ходят нагишом, как папуасы, а увидев на землянах тряпочный прикид, решили перенять наш опыт в этом вопросе?

Внезапно телефонный звонок прервал мои размышления.

Я сняла трубку:

– Алло?

Это был мой друг Андрей:

– Тань, в общем, дело такое... Мы нашли убитую женщину примерно лет пятидесяти. Она сейчас у нас в морге. Мы вызвали господина Королькова на опознание завтра утром. Он обещал подъехать часикам к десяти. Ты, если хочешь, тоже можешь подрулить.

– Да, Андрюш, я обязательно буду! Спасибо, что сообщил. А что там с трупом?

– Все плохо просто до безобразия! Женщина, как определил наш патологоанатом, была убита примерно пять или шесть дней назад. Какое-то время она находилась на стройке: на ее одежде и коже обнаружены следы цемента, щебеночной пыли и какой-то строительной смеси. Потом ее, очевидно, перетащили в ближайший лесок и бросили на опушке.

– Что, даже не удосужились прикопать?

– Представь себе, нет.

– Торопились... Что еще можешь сказать?

– Знаешь, я переживаю, как наш предприниматель из Пензы будет завтра опознавать этот труп.

– А что такое?

– Понимаешь, там лица вообще нет!

– В каком смысле нет?

– В прямом. Женщину изуродовали. Не то долго били чем-то по лицу, не то уронили с большой высоты...

– Скинули с балкона?

– Возможно. Но тогда не ниже, чем с пятого этажа. Лицевые кости раздроблены, нос, губы – все разбито так, что... В общем, я даже не представляю, как этот Корольков будет опознавать свою мать, но уж точно не по лицу.

– Будем надеяться, что он в курсе, где у нее родинки или шрамы... Что-нибудь еще можешь сказать про женщину?

– Нет, эксперты все еще работают над ней, а это так, предварительное заключение. Но к утру обещали дать окончательное.

– Ладно, Андрюш, до завтра. Давай!

Я положила трубку и задумалась. Ну вот, завтра все и выяснится. Возможно, Юрий опознает свою маму, будет плакать, и патологоанатом будет отпаивать его успокоительным... А может, скажет, что найденная женщина по комплекции близко не стояла с его мамой, и мне придется продолжить поиск. Так что нечего сейчас ломать голову. Вот когда будет известно что-то определенное, тогда и покумекаем.

Я поставила пустую чашку на журнальный столик. Завтра, все выяснится завтра. А сейчас – спать! Я заслужила отдых.

* * *

Утро следующего дня выдалось дождливым. Серые тучи затянули небо, из них сыпал мелкий и противный дождик. Он залил оконные стекла и так гаденько шуршал по карнизу, что, если бы не врожденный оптимизм, настроение мое упало бы до нуля.

Но я не из тех, у кого настроение зависит от внешних факторов. Полчаса я позанималась с гантелями, потом приняла контрастный душ, завершив его, как обычно, холодным, и вышла из ванной, чувствуя себя в тонусе. Чашка горячего бодрящего кофе с бутербродом и выкуренная сигаретка до-

вершили дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.